

Катарина Штресиус

Парадоксы любовных уз или какой совести мне следовать

Феноменологическая системная работа и ее основные динамики

Введение: уровни решений и конфликты лояльности

Постоянно изучая теорию и практику психотерапии, я ищу те приемы, которые действительно помогают. Из различных методов индивидуальной психотерапевтической работы и из семейных и системных концепций я выделила самые, на мой взгляд, эффективные «инструменты», проверила их и интегрировала в повседневную практику при работе с моими клиентами. В ходе этого процесса принцип системной теории стал одним из главных ориентиров для поиска хороших решений: если пытаться решить проблему в заданных условиях и использовать данное клиентом определение проблемы, то она может только обостриться, а блок усилиться или можно поддаться «гипнозу проблемы». Реальные изменения происходят при смене точки отсчета и смысловых рамок, и расширении перспективы общего поля и поля проблемы на более высокие уровни абстракции. (см. Lösungen 1. und 2. Ordnung; P. Watzlawick, Losungen, Bern 1974, Verlag Hans Huber). Благодаря такой перспективе, мы с клиентом можем много достичь в понимании, принятии себя и переоценке симптоматики. Таким образом, нарушения воспринимаются как значимые попытки решения в конкретном контексте и в процессе развития человека в его системных контекстах. Тогда становится понятным почему клиенты фиксируются на проблеме и боятся изменений: ведь личные интересы клиента вступают в противоречие с интересами их окружения, например, членов семьи, возникает угроза потери одобрения, признания и любви. Тогда можно начать выработать новые условия, необходимые для достижения цели: откровенное обсуждение потребностей, установка границ между поколениями, принятие ответственности и проблем, согласуясь со всеми участниками системы и с ее экологией.

Однако эти достигнутые изменения зачастую не являются стабильными. Клиенты откатываются к своим нарушениям и к старым паттернам поведения. Берт Хеллингер обнаружил феномен «скрытого программирования на неудачу», что стало одним из самых важных практических приемов для решения этой загадки. Бросается в глаза, что при таких «откатах» клиенты, рассказывая о своих, казалось бы, непреодолимых проблемах, улыбаются особым образом. Они демонстрируют своего рода покорность, словно соглашаясь с блоком. Это похоже на связь с кем-то или чем-то, которую я, как терапевт, не могу и не должна оставлять без внимания. Потому что иначе я встала бы между клиентами и их скрытыми, неосознанными обязательствами и их верностью чему-то большему и привела бы их к двойному конфликту лояльностей:

1. Конфликт между желаниями клиента и требованиями семейно системы и,
2. Конфликт между лояльностью к семейной системе и осознанным желанием сотрудничать с терапевтом.

За годы тонких наблюдений Берт Хеллингер, у которого я многому научилась, углубил свое понимание того, что происходит в душе у пациента, какие парадоксы любви и конфликты лояльностей ее бережат. А именно:

- конфликты между различными обязательствами по отношению к собственным желаниям и стремлениям, собственным целям *И* детерминациями, полученными через рождение в некой большой семейной системе, с ее переплетениями судеб и «порядками любви» и балансом между брать и давать;
- конфликты между личным восприятием правильного и неправильного, собственным представлением о морали и о плохих и хороших поступках, *И* «слепыми» неосознанными действиями, направленными на компенсацию неправильного, незавершенного или вытесненного из родительской семейной системы;
- конфликты между собственными эмоциональными реакциями, адекватным ситуации поведением *И* чувствами не объяснимыми в контексте личной биографии, «чужими, перенятыми чувствами». Я называю их «инструкциями», они – условия и требования, которые родительская система выставляет своим членам для саморегуляции.

В данной статье я покажу, как можно использовать различные «инструкции» в терапевтической работе, какое влияние оказывают различные виды совести на мотивацию мышления, действий и чувств. Причастность к большой системе приводит к тому, что три основных динамики или феномены притяжения превосходят границы личных стремлений: 1. Подражание, 2. Замещающее подражание, 3. Искупление вины.

Дополнительные измерения системной теории

Принципы системной теории гласят:

- что пациент является носителем симптома семейной системы и ее истории;
- что симптоматичное поведение содержит указания на процессы развития участников системы и является попыткой найти решение; оно влияет на семью и в то же время обусловлено ею;
- что изменение отдельных элементов в коммуникации и структуре семьи (границы, иерархии) перестраивает всю систему. Значит если изменить одну из влияющих на систему переменных – структурно, с фокусировкой на решение или иным способом – изменится результат, как для семьи, так и для ее отдельного члена. Выходит, процессами изменений можно управлять.

Дополнительные измерения Берта Хеллингера возникли в результате синтеза его знаний о групповых динамиках, психоанализе, первичной терапии, транзакционном анализе, гипнотерапии, семейной терапии, НЛП, его религиозно-философских воззрениях и экспериментах с расстановками семейных систем. Благодаря своей открытости, нестандартному способу мышления, способности сомневаться в очевидном, Хеллингеру удалось обнаружить в ходе групповой терапии у некоторых клиентов мотивацию необычного рода. Оказывается, люди пытаются найти решения для проблем, которые не соответствуют их ситуации, у них самих просто не может быть таких проблем! Задавая вопросы, кто в семье вел себя подобным образом, чьи это тяготы, чувства и судьбы, он открыл повторяющиеся из поколения в поколение процессы. Например, Хеллингер

выяснил, что, казалось бы, беспричинный гнев одной женщины на мужа она унаследовала от бабушки, с которой плохо обращался дедушка, и которая не могла этого выразить. В своем гневе женщина руководствовалась не личными мотивами, в ней говорило «перенятое» чувство. Т. о. чужой гнев адресовался уже не дедушке, а без вины виноватому мужу. Женщина была идентифицирована с бабушкой и подсознательно реинсценировала произошедшее через два поколения. Это было похоже на попытку исправления событий того времени, чтобы уладить незаконченное или, наконец, вступить в конфронтацию с агрессором. (Хеллингер считает, что такой «двойной перенос» является распространенной причиной затяжных конфликтов семейных пар.)

Исходя из этого, Хеллингер сделал терапевтическое заключение, что для хорошего решения недостаточно работать над очевидными *личными* конфликтами и *индивидуальной* агрессией. Здесь в работу должны быть включены другие значимые фигуры и события. Наблюдая много подобных случаев, Хеллингер расширил концепцию индивидуального сценария, который закладывается в первые годы жизни в семье под влиянием родителей и других близких, до более общей системы. В этой системе сценарий, который охватывает несколько поколений, включая людей и события, о которых потомок, быть может, ничего не знает или не может знать, является гораздо большим, чем конфликты между различными потребностями, проблемами авторитетов и воспитания или травмы, пережитые ребенком и т.д. Это сверхличностное душевное пространство определяется важными событиями в истории общей системы, таким как: зачатие, выкидыш, аборт, мертворожденные или рано умершие дети, тяжелые болезни, увечья, отданные, тайные, внебрачные дети, бывшие партнеры – особенно если в отношениях осталось что-то неразрешенное – исключенные члены семьи, самоубийство, убийство, насилие, причиненное кому-либо из семьи или агрессор в семье, военное преступление и т. д. Они находят отголосок в текущей жизни потомка, если участники событий не проработали их подобающим образом, уважая достоинство и место каждого члена в системе. Если в системе возник и остался неразрешенным такой дисбаланс и нарушение порядка, система стремится к компенсации, т.е. возникает потребность восстановить общее равновесие и свойственную системе справедливость. Это может быть понято как то, что система индуцирует навязчивые повторения. Для тех, кто появился позже в этой «большой семейной душе» остается задача – разрешить неразрешенный конфликт. Позже рожденные члены семьи воспринимают это как затягивающую пучину, чье действие простирается на одно-два поколения и даже дальше. Потомки, как правило, действуют без непосредственного знания причин, без личной ответственности, без чувства вины, без возможности управлять этим в своей сегодняшней жизни, без осознанного планирования и желания - как тот, кто поставлен на службу ради большего дела. Таким образом, возникает глубокий, бессознательный, личностный диссонанс: семейная система требует выполнения чуждой потомку задачи, а он не в состоянии ее выполнить. Он вынужден делать вещи, находящиеся вне его компетенции, которые он просто не имеет права делать. Получается, он занимает не свое место в системе, идентифицируясь с виновником произошедшего. Он ведет себя так, словно он и есть тот человек и словно в его силах еще что-то исправить.

О том, что такое, в принципе, возможно, сообщают в своих трудах теоретики системного подхода Бейтсон, Вацлавик и пр., объясняя это *концепцией двойного послания*. Двойное послание возникает, когда человек в очень важных для него отношениях под

большим давлением и страхом потери получает и должен одновременно выполнять два противоречащих друг другу указания, не имея возможности ни коммуницировать, ни прекратить отношения, ни выйти из них. Что бы он ни сделал, будет неправильно по отношению к одному из посланий. Опираясь на данную теорию, Хеллингер утверждает, что принадлежность к семейной системе является настолько глубокой и экзистенциальной связью, что человек не может ее порвать. Она выражается в пралюбви и в полной готовности на все, лишь бы оставаться в системе, а также в прастрате потерять эту принадлежность, если не выполнять условия и требования для соблюдения системного баланса. Эта непреодолимая потребность в чувстве принадлежности и экзистенциальный страх перед отторжением лежат в основе решений, которые мы принимаем. Это касается как неосознаваемого происходящего в рамках «большой семейной души» и соответственно «слепых попыток восстановить баланс», так и осознанных личных отношений в повседневной жизни и в группах, к которым мы на данный момент принадлежим.

Различные виды совести и то, что побуждает им следовать

Итак, Берт Хеллингер не только ясно обозначил границы совести при принятии решений, что правильно, а что ложно, что есть добро, и что зло, он расширил и переопределил функции совести, назвав ее «органом принадлежности», и предложил различать **между личной осознаваемой совестью и неосознаваемой «совестью клана».**

Это означает, что решения совести отдельных лиц, целых групп или народов в конечном счете не сводятся к абсолютным ценностям, различию между добром и злом, а к сохранению групповой самобытности и членства в зависимости от соответствующих воззрений и контекстов. Так, например, в одной группе убийство считается ужасным преступлением, а в другой поощряется как почетный, героический поступок. В первой системе действия члена группы считаются злом, и он рассматривается как преступник. Во второй же системе его считают хорошим и невиновным. Получается, у *одного* человека может быть *много* совестей, которые вступают в противоречие друг с другом, когда он замечает, что в одной группе он ориентируется на одни моральные нормы, а в другой неожиданно другие убеждения определяют его суждения. Например, я много лет была членом супервизорской группы по клиент-центрированной психотерапии и вдруг оказалась в странном положении. В рамках группы одной из высших ценностей считалось недирективное поведение по отношению к клиенту. Затем я начала обучение семейной терапии, в которой директивное поведение, парадоксальные и болезненные интервенции считались нормой, и я на практике убедилась в их действенности. Это вызвало недоумение у приверженцев недирективного подхода. Мои новые идеи были подвергнуты критике, и я даже испытывала эмоциональное давление. Поначалу я даже опасалась, не исключат ли меня из той первой группы. Но и здесь, после некоторой борьбы мне помогло открытие Берта Хеллингера о преодолении разногласий между совестями путем нахождения решения на более высоком уровне. В моей группе мы решили, что каждый ее член должен приобрести новые знания и расширить репертуар методов. Один снова обратился к психоанализу, другой занялся телесной терапией, третий стал экспериментировать с гештальт-терапией и т.д. Таким образом, мы заново определили себя как междисциплинарную супервизорскую группу, которая критично относится к новым идеям, но в тоже время открыта к ним.

Психотерапия в джунглях установок совести

Особенная значимость данного подхода в психотерапии и работы с внутренними и реальными семейными системами заключается в следующем.

Хотя для отдельно взятого человека личное счастье, благополучие, здоровье, успех и сама жизнь бесконечно важны, бывают ситуации, когда он жертвует всем ради блага другой личности или великого дела. Этот человек принимает решение сознательно, в соответствии с его личной совестью. Это в большей или меньшей степени добровольная жертва, которая совершается из личных, конфессиональных или партийных убеждений, то есть из-за принадлежности к группе.

Но снова и снова случается так, что, несмотря на то, что мы знаем, что принесет нам облегчение, исцеление и поможет избежать беды, мы, будто под принуждением, делаем все наоборот.

Хеллингер показывает, насколько понятны наши действия на фоне принадлежности к различным группам, а значит к различным формам совести:

- Молодая девушка очень хотела бы сходить куда-то, испытать чувство влюбленности, но не прилагает никаких усилий, чтобы принарядиться, выйти из дома и назначить свидание. Однако это приобретает новый смысл, если учесть, что у нее есть старшая сестра с умственными и физическими ограничениями, у которой намного меньше шансов сходить на дискотеку и познакомиться с кем-то.
- Если женщина все время выбирает себе недостижимых мужчин, не создает устойчивых отношений или не находит человека для создания семьи, таким образом может выражаться симпатия к тете, которая жила с ними и ухаживала за бабушкой до самой ее смерти. Тетю называли старой девой и не особенно уважали.
- Или мужчина не понимает, отчего ему так тоскливо и хочется умереть, хотя у него есть все, чего только можно желать. Объяснение найдется, стоит ему взглянуть на отца, который никогда не видел своего отца, потому что тот погиб на войне, и на вернувшегося с войны брата деда. Вместо того, чтобы принять сохраненную ему жизнь как подарок судьбы, в душе он остался с погибшим братом и с ранеными или умершими в плену боевыми товарищами.
- Одаренная женщина создает одну за другой фирмы, обнаруживает ниши на рынке, зарабатывает большие деньги и каждый раз теряет состояние. Ее действия обретают более глубокий смысл, если учесть, что ее дедушка и бабушка нажили состояние за счет отчужденной у евреев собственности, то есть благополучие дедушки и бабушки зиждется на страданиях других людей.

Эти и многие другие примеры ясно показывают, что наши действия являются не только результатом наших осознанных желаний, планирования и воли, но и сложное переплетение событий, жизненные истории всех тех, кто относится к нашей системе, продолжают жить в нас и могут влиять на наши решения.

Но еще важнее для планирования терапевтических интервенций следующее: если я хочу помочь человеку только в достижении его сознательной цели, я буду конфронтировать с его нерасторжимой связью с системой родительской семьи. Тогда я бы выставляла верность, лояльность, любовь и глубинную связь как нечто неправильное и

обесценивала их. И не замечала бы неосознанного желания человека быть ближе к членам своей семьи или другой системы, принадлежать к ней, а боролась бы с главным направлением потока. Эти сокровенные душевные движения проявляются **в динамике следования** в несчастье, болезнь или смерть, **в динамике заместительного следования**, когда человек стремится умереть вместо другого, чтобы тот остался в живых, а также **в динамике искупления вины**.

Если распознать и учесть в работе динамики, стремящиеся восстановить равновесие в системе, станет очевидным, что нужно отвечать двойственным образом на симптоматику пациента (на поверхности – нарушения в мышлении, восприятии и поведении, на глубинном уровне – доказательства любви и исполнения долга в лабиринте системы).

Объясню подробнее на двух примерах из личной практики. В первом случае я попыталась разбить процесс системно-феноменологического подхода на мелкие шаги, включить в более общую структуру и учесть индивидуальные особенности пациента.

Пример, иллюстрирующий динамики: 1. «я следую за тобой» и 2. «я сделаю это вместо тебя»

Одна женщина (31 год), референт муниципальной службы, описала свое состояние на начало терапии так: «У меня часто бывает чувство, что я не справляюсь, что все слишком трудно для меня. Для меня времена, когда мне очень хорошо, резко сменяются временами, когда мне плохо – без видимой причины. Я чувствую себя подавленной и думаю, что все рушится. Когда четыре года назад мои отношения с партнером ухудшились, я ушла в болезни и уныние. Потом мы расстались. Я не нахожу себе места, меня мучают страхи, слабость, отсутствие сил, при этом я не могу расслабиться или развлечься. Чувствую себя виноватой и ненужной, я превратилась в пессимистку...» Много из того, что она еще рассказывает, описывает синдром хронической усталости с депрессивной симптоматикой. Поэтому я начала работу с клиенткой с изучения ее личной и профессиональной ситуации, поиска факторов стресса и его редукции, с выявления когний и нахождения подходящих условий работы, приносящих удовлетворение отношений и стабилизации адекватной самооценки и т.д. После некоторого облегчения в симптоматике пациентка выразила желание вступить в серьезные отношения и создать семью, но видит конфликт между материнством и карьерой. Терапевтический процесс протекал в целом хорошо, однако в отношении планирования семьи ничего не менялось. Тогда я спросила, как это было у женщин в ее окружении и семье. Из ее ответов я, между прочим, узнала, что бабушка по материнской линии умерла при родах и новорожденный ребенок вместе с ней (тетя пациентки).

Объясню последовательность шагов в системно-феноменологическом подходе:

Шаг 1. Вспомнить, заполнить пробелы, восстановить контакт или отношения

1.1 Следует расширить видение пациента: его личные сложности приобретают иное значение в контексте семьи. Например, я сначала я вместе с пациентом составляю генограмму (семейное дерево),

- чтобы у него создалось представление о его месте в структуре взаимоотношений *в текущей системе* (ранние связи, браки, беременности, включая выкидыши и аборты, дети, все члены составных, так называемых лоскутных семей) и *в родительской семье* (братья и сестры, родители, тети и дяди, бабушки и дедушки). При этом важно учесть всех членов семьи, особенно тех, кто пропал, кого исключили, кого презирали, с кем несправедливо обошлись,

или членов семьи, которые причинили вред другим, агрессоров и жертв, как в кругу семьи, так и вне него.

- Еще нужно включить в систему людей извне, которые нанесли серьезный ущерб семье или наоборот спасли кого-то (например, благодетели, предатели, убийцы). В некотором смысле они являются членами системы. Они важны для выяснения внутренних нарушений и для нахождения решения. Сбор информации о семье и восполнение пробелов – необходимое условие исцеления.

Только после скрупулезных расспросов пациентка поняла, насколько большая у нее семья. Не задумываясь, она рассказала о «бабушке», к которой она ездила на каникулы. Но «бабушка» оказалась второй женой дедушки, на которой он женился вскоре после смерти первой жены, чтобы у детей была «мама». Получилось, что про бабушку-то она и забыла, как ее «забыли» в семейной системе. Мама пациентки была совсем маленькой, когда появилась вторая жена дедушки и взяла на себя заботу о детях.

Кого-то недостает, кого-то обделили уважением. Для души это как черная дыра на семейной фотографии. Тогда орган равновесия системы, обеспечивающий справедливость, направляет свое действие на кого-то из потомков, буквально «затягивая» его.

1.2 Задавая вопросы о судьбоносных событиях, которые переживали люди в семейной системе, можно выяснить:

- какие повторы пациенты реконструируют в их биографиях, когда они думают, чувствуют, поступают, как предки, где их судьбы переплелись, почему пациент чувствует себя несвободным, с кем идентифицирован;
- с какими последствиями это сопряжено, например, неудачи, неспособность создавать крепкие отношения, бездетность, болезни, несчастные случаи, склонность к саморазрушению, суицидальные мысли или поступки, криминальные действия.

Одно только упоминание о бабушке растрогало пациентку до слез. Она никак не могла понять: «Ведь я ее совсем не знала!» Пациентку очень заботила женская и материнская судьба бабушки. Я предложила ей попросить у родственников фотографию бабушки.

1.3 С помощью визуализации внутренних образов члена системы или с помощью расстановки с заместителями в группе начинается столкновение пациента с этим членом семьи и осознание факта, что потомок делит или хочет разделить участь предка. Здесь важно:

- контакт глаз, по-настоящему смотреть и видеть другого человека, узнавание;
- называние фактов: а) принадлежность к системе или степень родства («ты моя бабушка, а я твоя внучка») и б) релевантные, решающие события («ты умерла в родах вместе с младшим ребенком, моей тетей»).

Мы сделали расстановку семьи пациентки в группе. Сначала мы расставили заместителей отца, матери, самой пациентки и двух ее младших сестер. Мать стояла, слегка отвернувшись от отца, окруженная тремя дочерьми. Она не чувствовала детей и смотрела сквозь них вдаль. Тогда я ввела в расстановку умершую при рождении младшую сестру матери. Мать сразу выпрямилась, ее взгляд стал целеустремленный. Я поставила мать и тетю рядом и попросила пациентку ввести в расстановку дедушку и бабушку. Несмотря на подготовительную индивидуальную терапию, пациентка «от волнения» снова забыла первую жену дедушки и машинально ввела в расстановку вторую, ее приемную бабушку. Это я поняла, расспросив пациентку. Когда я обратила на это ее внимание, она выбрала еще одну женщину из группы и совсем растерялась: «Ума не приложу, куда ее поставить». Тогда я вмешалась и задала порядок: в полукруг я поставила бабушку рядом с дедушкой как его первую жену, затем вторую жену, общих детей из первого брака, самые младшие мама и тетя пациентки, затем тетей и дядей из второго брака по старшинству. Заместительница пациентки испытывала беспокойство и бессилие в начале расстановки, а тут вдруг с интересом посмотрела на бабушку и сказала: «Я хочу к ней». Подошла, обняла бабушку и горько заплакала. Как будто копившиеся долгое время горе и страх нашли, наконец, выход. Через некоторое время я ввела саму клиентку в расстановку. Когда она немного успокоилась, я попросила ее посмотреть на бабушку, «узнать» ее и обозначить словами ее судьбу.

Здесь я описываю только «верхушку айсберга». Сложность происходящего со всеми участниками на всех уровнях одновременно описать словами невозможно: ни различные ощущения, которые возникают при столкновении с близкими и установке нового порядка в расстановке, ни взаимозависимые душевные импульсы между заместителями, ни изменения внутренних и внешних позиций. Поэтому продолжу в общих словах.

- 1.4 Расстановка позволяет проникнуться чувствами других людей как будто они стоят напротив вас. Пациент может смотреть на другого человека, дотрагиваться до него, говорить с ним, вступать с ним в те или иные отношения. Так из личного чувства беспокойства или неосознанных навязчивых действий и переживаний, неадекватных и необъяснимых (например, неспособность принять решение, страх пациентки перед беременностью или отказ от полноценной жизни) может возникнуть понимание подсознательной динамики («я иду к тебе», «я следую за тобой в смерть» и т.д.).
- 1.5 С помощью называния, осознания желания слиться с другим человеком, сопереживания, стремления разделить чью-то судьбу или смягчить ее удар, осознания желания помочь или поспорить с участью становится очевидным *магическое мышление*, мания величия, знакомая нам из детства. На определенной стадии развития ребенок думает, что с помощью желаний можно добиться реальных событий, что он всемогущ, и не отделен от других людей. В состоянии отождествления пациенты ведут себя высокомерно, полагая, что имеют влияние на судьбы других людей.

Я внимательно наблюдала, как пациентка обнимала бабушку – иначе, чем заместительница, вместо того чтобы подойти к ней как маленькая внучка, она думала, что нужно или можно поддержать бабушку.

Эта готовность поддерживать другого человека говорит о том, что быть связанным с чужой судьбой, запутавшимся легче и даже спокойнее, чем справляться с собственными жизненными задачами.

- 1.6 В то же время расстановка запускает эмоциональный процесс, застывшие чувства оттаивают и изливаются на человека и события, к которым они относятся. Так нашедшие адресата страх, гнев, скорбь или вина находят выражение в чувствах, которые другой человек уже когда-то переживал или не мог прожить и выразить. Особенно впечатляет и способствует исцелению, когда все участники событий снова обретают способность чувствовать, сопереживать и когда их реальная встреча становится возможной. Здесь часто в полной мере проявляется любовь и верность пациента по отношению к близким, связанным с ним судьбой. Только после того, как это движение совершится и обретет внутреннее завершение, возможен следующий шаг.

Шаг 2. Освобождение из переплетений судеб с любовью и уважением.

Речь идет о необходимом шаге для развития от слепого следования инстинктам к пробуждению сопричастности, признанию чужой самобытности, сознанию собственной индивидуальности, самодостаточности и вниманию к собственной жизни.

2.1 Начавшийся в первом шаге процесс осознания развивается с помощью диалога, в котором переживается и проговаривается фраза «я и ты – два разных человека». Два независимых человека с собственными судьбами, опытом и возможностями бороться с невзгодами. Тогда «растворение» в другом человеке, идентификацию можно разрешить, только нужно сознательно отойти от веры в «инструкции», которые система дает своим членам для поддержания равновесия. Это возможно, если пациент поймет, что:

- при реальной встрече с близкими любовь может остаться такой же сильной,
- с пробудившимся новым сознанием своей автономности можно активно и адекватно обратиться к собственной жизни и к собственным задачам,
- несмотря на страх перед непривычным «одиноким», следует смотреть не в прошлое, а в будущее и идти своей дорогой.

2.2 Главным остается уважение к другому человеку,

- но с другого, своего собственного места в системе,
- с другой ступени в семейной иерархии (в смысле старшие в ней имеют приоритет);
- а также признание достоинства и величия другого человека со всеми его сильными и слабыми сторонами («ты был до меня», «ты большая, а я маленькая»). Важно признать его авторитет («это твоя ответственность, не моя») и не вмешиваться в чужие дела («я знаю, что тебе многого не доставало, но я не могу и не имею права тебе это дать»).

2.3 Таким образом, пациенты осознают, что у каждого человека в системе своя жизнь, своя судьба и свои обязательства: «Я уважаю твою судьбу и уважаю

свою. Я должен отпустить твою судьбу». С этой фразой связан важный процесс осознания и обучения - каждый сам в ответе за свою судьбу.

- 2.4 Затем следует создать прочную связь: «Я оставляю для тебя место в моем сердце, для меня ты все еще рядом и с нами».
- 2.5 В этой новой встрече часто *переломным моментом* становится следующий опыт: пациент чувствует не только собственную любовь, связывающую его с близким человеком, здесь ему, быть может, впервые становится ясно, что *и визави его любит*. Именно поэтому визави в визуализации или заместители в группе нередко реагируют на предложенную пациентом помощь или «слепую динамику восстановления баланса» отторжением и недоумением, или как родители, которые хотят для своих детей совсем другого: «я этого не хочу», «ты не можешь, не имеешь права» или «живи своей жизнью». (Эта кризисная ситуация иногда усложняется, если визави из-за собственных переплетений судеб не в силах отказаться от помощи потомка, освободить его от себя. Тогда требуется вмешательство терапевта и конфронтация визави с важным ему человеком, чтобы сначала найти решение для них.)
- 2.6 Это часто бывает ключевым моментом «когнитивной» или общей реорганизации процесса: пациенты должны заново адаптироваться. Речь идет об отказе от прежних подсознательных, но ставших теперь видимыми, жизненных директив и задач. Пациенты получают от визави (или под руководством терапевта) разрешение высвободиться из переплетений судьбы и реализовывать собственную жизнь.
- Здесь проявляется самое сильное внутреннее сопротивление переменам, ведь человек должен отказаться от чувства важности и от «награды» в виде ощущения собственной ценности и уверенности в принадлежности к системе. Соблазнительную легкость сострадания страшно обменять на тяжесть непривычной ответственности за собственную жизнь.
 - Здесь помощью и промежуточным шагом может стать поклон. Терапевт может подталкивать пациента поклониться визави, так низко и так долго, как ему подсказывает сердце. Этот жест смирения часто меняет изнутри отношение пациентов от внутренней скованности или мнимого превосходства к адекватному внутреннему величию, позиции и новой восприимчивости.
 - На этом месте терапевту приходится часто делать паузу, а иногда даже обрывать расстановку, если пациент не хочет или не может сделать этот шаг. Ведь сопровождаемое бурными эмоциями постижение невозможности спасти другого человека требует много сил, своего рода смесь мужества и смирения.
- 2.7 Если все-таки это удастся и чувствуется готовность пациента изменить свою внутреннюю установку, он может попросить поддержки у визави: «Пожалуйста, смотри на меня с благосклонностью, если я буду жить столько, сколько мне отпущено» или «пожалуйста, отнесись с любовью, если я останусь с мужем» или «пожалуйста, благослови меня (пожелай мне всего доброго)». У пациента прибавится сил и взгляд устремится в будущее, если он представит

себе (или проживет в расстановке), что за ним стоят предки, а он опирается на них. Тогда пациент сможет укорениться на своем собственном, ему причитающемся месте в системе.

2.8 С принятием согласия и поддержки на то, чтобы жить собственной жизнью, часто помимо глубоких эмоциональных переживаний, радости и облегчения возникает своего рода душевная пустота. Пациенту понадобится время, а иногда и прямое ободрение, чтобы наполнить ее новым, своим собственным содержанием. Потребуется запастись терпением, некоторое время ничего не предпринимать и ждать, пока пациент не переработает воспринятые в переорганизованной системной расстановке изменения в нечто истинно свое. Иногда для выработки новых паттернов мышления и поведения и новых жизненных перспектив необходима помощь психотерапевта.

Плотность всех описанных во втором шаге процессов очень высокая и они происходят практически *одновременно*. Существует опасность: чем точнее пытаешься воспроизвести все шаги, тем больше ограничиваешь свое восприятие и сопереживание полноты душевных динамик. Однако некоторым терапевтам это помогает в обучении данному методу.

Я сопровождала и напряла пациентку в процессе расстановки. Она взяла бабушку за руки, а затем отошла назад. Пациентка произнесла разрешающие фразы, смогла признать достоинство и величие бабушки и найти ей место в своем любящем сердце. Заместительница бабушки сердечно, но строго запретила внучке следовать за ней: «Ты не имеешь права вмешиваться!» Она была больше чем готова пожелать внучке всего самого доброго. То, что пациентка медлила принять от бабушки благословение, было связано с тем, что переплетения судьбы ее матери еще не рассматривались.

Итак, я подробно описала действие *первой динамики – следование за близким человеком*. Однако в сложных системах, как в данном случае, действуют несколько динамик одновременно. В начале расстановки заместительница пациентки стояла рядом с матерью. Она загромождала матери дорогу и мешала ей уйти. А мать тянуло к умершей сестре и, конечно, к рано ушедшей матери.

Если ребенок говорит: «Лучше я последую за бабушкой. Я сделаю это вместо тебя, тогда ты сможешь остаться в живых», – он стремится заместить мать.

Поиск выхода из второй динамики – *динамики перенятого следования* – совершается также схеме из двух шагов, но на этот раз с тремя участниками: визави, тот, кто следует за ним, и тот, кто хочет последовать в смерть вместо второго.

В расстановке я сделала промежуточный шаг. Рядом с бабушкой я поставила тетю, а рядом с пациенткой – маму. Хотя с самого начала было заметно, как была тронута мать близостью к обоим умершим, она не могла на них взглянуть, и я сначала попросила пациентку сказать матери: «Милая мама, вместо тебя я последую за ними». А затем: «Дорогая бабушка, дорогая тетя, и иду к вам вместо мамы». И хотя обе женщины с любовью смотрели на внучку/племянницу, но бурно запротестовали после ее слов. Мать взглянула на дочь и сказала ей: «Теперь я впервые ее вижу. Это мой ребенок!» Тогда я попросила мать по-настоящему посмотреть на своих мать и сестру. Она глубоко вздохнула, обняла обеих и долго так плакала. Здесь нам не понадобились ни разрешающие фразы, ни узнавание, ни называние, новый порядок воцарился в системе сам собой. Пациентка увидела, что ее движение из чувства лояльности стало ненужным, когда мать со всей

силой любви заключила в сердце обеих исключенных родственниц. А окончательное освобождение пациентки совершилось, когда мать сказала: «С вами в сердце я останусь здесь с моими мужем и детьми». А пациентке она сказала: «Мое дитя, я останусь жить. Ты свободна и можешь жить своей жизнью и быть женщиной». Только теперь пациентка смогла беспрепятственно обратиться к бабушке и тете и она с благодарностью приняла их благословение.

После такой работы нельзя поддаваться соблазну и подвергать внутренние процессы пациента контролю качества. Следует довериться действенности того, с чем мы соприкоснулись в визуализации или в расстановке. Следует позволить душе пациентки без стороннего вмешательства интегрировать произошедшее, и, в необходимое на то время, она усвоит новый, более полный образ семьи. И тогда родится что-то очень свое, появятся новые силы. А решения часто проявляются совершенно неожиданным образом.

Динамика 3: Искупление вины

Здесь важно различать *личную вину* и *системную вину*.

На самом деле обе упомянутые динамики – следования и перенятого следования – уже являются реакциями на вину, точнее внутренними ответами на зов системы, «большой души» или на законы совести клана. «Великая душа» использует нас как орудие, и мы перенимаем или разделяем участь других членов клана. Личная совесть отвечает за принадлежность к важным нам людям и группам, а системная совесть заставляет нас следовать законам принадлежности к группе, хотя мы их толком не знаем.

А теперь речь пойдет о вине в более *узком смысле*.

Прежде чем разъяснять это на практическом примере, перечислю различные формы вины.

1. Личная вина

Если не придерживаться правил, договоренностей и не выполнять обязательства в личных отношениях, на работе или в отношении друзей, общества, страны, в которой живешь, то приводится в действие «орган внутреннего равновесия». Если взять у другого человека слишком много или слишком много ему дать, этот орган сигнализирует: «Здесь нарушился баланс, разладилось равновесие». Если причинить вред другому человеку или несправедливо с ним обойтись, дает о себе знать чувство вины. Если же совершить некоего рода предательство, совесть проявляется в форме страха перед исключением. Эти ощутимые предостережения – часто называемые чувством вины – работают как аварийная сигнализация и означают, что человек находится в нестабильном положении и очень уязвим. Эти предупреждения дают нам шанс восстановить баланс, загладить вину, укрепить ослабленную связь.

При благоприятном сценарии после восстановления порядка и справедливости инцидент исчерпывается и о нем больше не нужно говорить.

Прежде чем я перейду к объяснениям, приведу здесь хорошее *упражнение*, которое я не устаю рекомендовать моим пациентам для внутреннего прояснения, а также для конструктивного взаимодействия в отношении чувства вины и долга.

1. Назвать/проговорить факты: «*Это я сделал*» (причинил вред или несправедливость).
2. Покаяться/признаться: «*Это моя вина. Я за нее в ответе. Это было мое решение*» Признание ответственности.

3. Сожалеть: «Мне жаль», «Я причинил тебе боль», «То, что я сделал, неправильно» Выражение сочувствия.
4. Загладить вину, насколько это возможно: «Я заглажу свою вину, принимая во внимание твои чувства». Далее следует сделать что-то хорошее для пострадавшего. Важный момент: добро должно быть соизмеримо с вредом, который был нанесен пострадавшему.

Итак, надо серьезно отнестись к сигналу и предпринять соответствующие шаги. В четырех шагах упражнения из проступка рождается сила, а диалог способствует укреплению отношений. Чувство вины, которое тянется долгое время, а иногда даже застрекает на годы, отнимает все силы создать что-то хорошее из несправедливости. Любая отсрочка действий ослабляет человека и его отношения. В работе с пациентами я обязательно обращаю внимание на то, какие у них имеются «неоплаченные счета» и какие стратегии они используют, пытаясь их погасить. Когда пытаешься освободиться из переплетений судеб в контексте всей системы, очень важно найти свой собственный источник сил, чтобы оставаться верным себе. Поэтому я отдаю приоритет работе с личной виной и конфликтами совести, а потом перехожу к перенятой вине.

2. Системная вина

Существуют различные виды системной вины.

2.1 Судьбоносная или экзистенциальная вина. Человек испытывает чувство вины, только за то, что он есть.

Человек испытывает чувство вины, например, если ему удалось выжить в автокатастрофе или при стихийном бедствии, а другие погибли. Это воспринимается как незаслуженное счастье ценой несчастья других людей. Без вины виноватому трудно просто принять счастье спасения как подарок. И он считает себя обязанным заплатить за счастье. С этим чувством вины нельзя обходиться как с личной виной, нельзя пытаться ее искупить или компенсировать. Такие попытки означали бы манипулирование судьбой. Словно к судьбе можно относиться как к человеку, торговаться с ней или выкупить себя у нее. Хорошее решение состоит в том, чтобы принять спасение как дар и, получив шанс жить дальше, сделать в жизни что-то хорошее и уважать жертв и их достоинство. Например, если мать ребенка умирает в родах, в глубине души у него остается чувство «мне жизнь досталась ценой жизни мамы». Вместо того чтобы следовать за нею в смерть или мучиться чувствами «лучше бы я не родился» или «лучше бы я умер, а не она», на душе станет легче, если человек с благодарностью принимает в подарок свою жизнь и мать будет дальше жить в его сердце.

2.2 Обязательная вина (долг) возникает по отношению к родителям, учителям и всем, кто был раньше, а значит кто важнее.

Они дают нам то, что мы не можем им вернуть в той же мере и как равные. Жизнь и обучение – это не то что мы обязаны возвращать тем же людям, как будто это ссуда, но их можно передать дальше – детям, ученикам или претворяя в жизнь задачи и проекты. Так мы растем и реализуем себя. Это самая большая благодарность и надлежащая компенсация для наших предков.

Здесь перед нами встает дилемма «невозможности оставаться невинным»: если не отделиться от родителей, не стать тем, кем должен стать. Если удастся найти и заняться чем-то по-настоящему своим, кажется, что теряется связь с родителями. Тогда мы еще

больше чувствуем себя в долгу перед ними. И в то же время ощущаем одиночество и понимаем, что самостоятельность и независимость требуют некоторых усилий. Берт Хеллингер говорил: «Мы взрослеем, пройдя через врата вины».

2.3 С долгом перед родителями переплетается *вина триангуляции и парентификации*. Это происходит, когда родители побуждают детей вмешиваться в их жизнь как супружеской пары или в родительские функции – еще один способ стать без вины виноватым. Или когда дети полагают, что они должны выступать переводчиками, посредниками, миротворцами, терапевтами в отношениях между родителями и пользуются этой властью. Или когда дети вступают в коалицию с одним из родителей, чтобы вместе противостоять другому. Этот так называемый «Эдипов треугольник» или триангуляция на некоторое время дают ребенку чувство собственной важности и самоуверенности. А в долгосрочной перспективе дети склонны наказывать себя за то, что перешагнули границы своего поколения: все, что они узнали о жизни родителей, как семейной пары, особенно сексуальной, независимо от того рассказали ли им об этом или потому что они сами вмешались, лишает их равного положения с братьями и сестрами. Это делает их больше, чем они есть на самом деле. И дети становятся зазнайками, родителями родителей (парентификация).

Хорошее решение заключается в активном забывании, нужно вынуть голову из петли и осознать: «Я всего лишь ребенок!» или «я не имею права вмешиваться, я останусь на уровне моего поколения», – чтобы стать свободным для собственных целей.

Еще одна важная задача и решение – различать между *идентичностью* родителей и их социализованным *поведением*. Важно увидеть в родителях тех, от кого ребенок получил самое главное – свою жизнь. Это значит полностью принять родителей. Хорошее в их поведении следует принимать как подарок – хорошего было много, хорошего было достаточно – и сказать: «А с остальным я справлюсь сам». А проступки в поведении родителей, их ограниченность и вина за несправедливое обращение пусть целиком останутся на их совести. Дети не должны позже пытаться что-то исправить или привести в порядок вместо родителей. Успешному отделению от родителей будет способствовать отказ от попыток получить от родителей что-то еще.

2.4 **Перенятая вина** обнаруживается в поведенческих паттернах человека, если он без видимых причин ведет себя так, словно должен искупить тяжелую вину.

Например, помогающие профессии можно рассматривать как своего рода искупление, когда люди полностью отдаются работе, жертвуя собой.

Перенятая вина проявляется также у людей, которые активно и с возмущением выступают за интересы других, но при этом не борются за себя. Еще бывают люди, которые стремятся попасть в тюрьму или ощущают в себе склонность к преступной деятельности, убийству или самоубийству. Часто они перенимают что-то из системы, в которой кто-либо в предыдущем поколении совершил преступление, насилие, причинил тяжелые страдания другому человеку. Истинные агрессоры не понесли наказания и не искупили вину, не возместили ущерб или даже не привлекались к ответственности (например, если близкие укрыли их) и т.п. В таком случае «орган равновесия системы» выхватывает кого-то из потомков и побуждает его к восстановлению баланса. Потомок вынужден нести ответственность за их темное прошлое. Такие люди или страдают от этой непосильной ноши (а некоторые еще и гордятся ею), или живут с неискупленной виной и, сами того не осознавая, повторяют совершенные преступления одним из двух возможных

способов: становясь агрессорами или жертвами, заставляя обратить внимание на истинных потерпевших – нередко забытых или исключенных из системы людей.

Чтобы не оказаться в переплетении чужих судеб, не предоставлять в распоряжение свою жизнь и не следовать слепому импульсу облегчить судьбу другого человека без реальной возможности что-либо исправить, нужно искать решение на более высоком уровне. И здесь это работа ведется по схеме из четырех шагов, хотя и в несколько измененной форме:

1. Назвать совершенное преступление. Например: «мой дедушка убил свою первую жену»...
2. Назвать того, кто совершил преступление. Назвать *и* жертв *и* агрессоров. В визуализации или в расстановке виновный должен сам признать свои проступки и, таким образом, взять на себя ответственность за их последствия. Если это невозможно, нужно хотя бы проговорить, что ответственность остается за виновным.
3. Виновный сам выражает жертве понимание или сочувствие. Если виновный упорствует и не хочет понять жертву, нужно как минимум, чтобы стало ясно, что у него отсутствует сочувствие.
4. Именно потому, что в момент совершения преступления оно не было признано таковым, виновник не понес наказания и не искупил свою вину, особенно важно глазами потомков увидеть, что ответственность всё равно остается за виновником, и что вина за ним, независимо от того, признает он ее или нет. Необходимо также в полной мере почтить жертву. И оставить ей ее судьбу (во всей ее тяжести).

Примиряющее решение, выходящее за пределы тяжелых судеб отдельных людей, будет найдено, если агрессор и жертва смогут обратиться друг к другу, посмотреть друг на друга вне своих связей с другими членами семьи, по ту сторону оценок и морали, по ту сторону добра и зла. Это возможно в том случае, если они увидят друг друга во встречном движении как части более общей судьбы и вместе обратятся к первопричине жизни.

В отличие от процесса работы с личной совестью акцент здесь иной. Потомок не должен исправлять произошедшее преступление (это *не его* задача), а признать и принять то, что произошло. Он целиком оставляет произошедшее агрессорам и жертвам. Он осознает, что данное событие имеет место в его системе, и если проявить уважение к произошедшему и участникам, весь ужас и влияние на настоящее потомка прекратятся.

Новый порядок в душе пациента по отношению к тяжелой вине в системе подразумевает:

- Называние и внимательное рассмотрение вины снимает страх перед ужасным и способствует искуплению, особенно если признать это реальностью и частью семейной истории.
- в результате агрессор со своим преступлением и жертва с ее страданиями обретают место в душе пациента. В то же время клиент больше не испытывает непреодолимого стремления сделать для них еще что-нибудь. Он также осознает свою включенность в нечто большее.
- Произошедшее можно оставить там, где ему и место – в прошлом, и оно больше не влияет на настоящее.

- Внутренняя позиция *принятия* жизни с добром и злом в равной мере ведет к пониманию того, что из плохого может произрасти нечто хорошее, раз из определенного добра в рамках некоей группы всегда может произойти зло для других людей. Эта принимающая позиция укрепляет толерантность амбивалентности и помогает преодолеть узкий взгляд на добро и зло и увидеть за ними нечто большее.

Пример, иллюстрирующий три вида вины: личную, перенятую и экзистенциальную

Инженер-строитель 45 лет пришел на консультацию, потому что ему никак не удавалось продвинуться в жизни: он никогда не умел принимать решения, делать выбор, бесконечно обдумывал каждый шаг, как в профессиональной, так и в личной жизни. Его отношения с женой, по сути, давно закончились. Она ушла от него, теперь у нее новый партнер. Тем не менее в своих мыслях он всегда принимал ее во внимание и не чувствовал себя свободным. Каждый раз, пытаясь создать новые отношения с женщиной, ему казалось, что он причинит боль жене. Однажды за границей он, познакомился с «той самой» женщиной. Он хорошо знал тот язык, ему хотелось переехать в эту страну и создать семью с этой женщиной, там он мог найти работу по специальности. Тем не менее, у него все время находились причины отменить встречу с ней. Иногда она вдруг переставала ему нравиться, хотя он продолжал ее любить.

На своем предприятии он считался хорошим работником с многолетним опытом, успешно участвовал во многих проектах и имел все шансы занять руководящую должность, а позже и руководить фирмой. Но он не отваживался на этот шаг. Не хотел идти на риск, и отношения с шефом казались ему не вполне ясными. То есть, и на работе у него постоянно находились причины упорно сохранять статус-кво. Так мучительно однообразно проходило время, без личностного роста и повышения самооценки. Родители хотели внуков, но он не мог исполнить их желания. Мы работали с ним над формулировкой привлекательных, конкретных и достижимых целей, над регулировкой близости и дистанции, над отношением к собственным потребностям и над способностью действовать. Но в целом наша совместная работа не приносила ему ощутимой пользы.

В цикле из нескольких семейных расстановок он получил новый опыт, и суть проблемы стала постепенно проясняться. В первой расстановке с заместителями самого клиента и жены он признался, что жена сделала аборт. Это произошло, когда они только-только познакомились и еще не были уверены в своих отношениях. Тогда мы ввели в расстановку нерожденного ребенка. Клиент смог посмотреть на него и сказать: «Я виноват в аборте. Это было мое решение. Прости меня. Сейчас я раскаиваюсь. Твоя жизнь была не напрасна. В память о тебе я сделаю что-нибудь хорошее...» После расстановки клиент горевал о нерожденном ребенке и оплакивал его, это привело его к решению найти ребенку место в своем сердце и пожертвовать крупную сумму обществу по защите детей в своем городе. Прошло время, в течение которого клиент прорабатывал *личную вину*, и он попросил сделать еще одну расстановку. В это время умер его отец. Во время траура мать много рассказывала ему об отце и о семейной истории; оказалось, многого он еще не знал. Неожиданно оставшись в одиночестве, мать стала снова жаловаться на то, что у нее нет внуков: «Если бы твой брат-близнец не умер при рождении, может быть, у него были бы дети...» Так он узнал, что в утробе у него был брат-близнец. А еще мать рассказала, что в соседней стране (откуда он был родом) отец чуть было не женился. Но потом решил, что в Германии он сможет выбраться из бедности и достичь материального благополучия. Мать рассказала, что через много лет женщина, которую отец оставил, уехав в Германию, написала ему письмо, в котором упрекала его, что ее заставили сделать аборт, потому что он ее бросил. Ее родственникам отец ещё долго посылал деньги, но лично с ними почти не общался.

В расстановке родительской семьи я поставила брата-близнеца клиента перед родителями. Они ещё раз назвали его своим ребенком, выразили свою скорбь и приняли его в семью. Затем мы

поставили брата как старшего справа от клиента. Клиент был растроган и крепко обнял его. Он вдруг понял, как ему не хватало брата. Ему очень помогли разрешающие фразы: «Ты умер, а я жив. Это могло случиться и со мной. Меня спасли. Я чту твою судьбу. С тобой в сердце теперь я буду жить своей жизнью. А потом я приду к тебе. Пожалуйста, будь со мной, ведь ты мой старший брат». После этих слов мужчина просиял и выглядел полным сил и надежд. Так проявилось избавление от *экзистенциально* вины.

Теперь он знал, что рядом с ним мог бы быть ещё один человек – брат или сестра, нерожденный ребенок отца от первой партнерши. В другой группе я провела скрытую расстановку, добавив к семье клиента еще одну женщину и одного мужчину. А группе я не сказала, кто эти люди (она – первая женщина отца, а он – интуитивно выбранный заместитель для нерожденного ребенка), чтобы клиент смог понаблюдать, какая динамика будет развиваться у непредвзятых заместителей. Его заместителю было немного не по себе, так как он чувствовал вину по отношению к незнакомой женщине. Близнец, умерший при рождении, почувствовал, что его тянет к добавленному мужчине. Отец почти ничего не чувствовал рядом с матерью и обоими сыновьями. Мать побаивалась новой женщины. Я поставила брата-близнеца рядом с новым мужчиной. Там он почувствовал себя на своем месте, они улыбнулись друг другу. Потом я поставила заместителя клиента перед женщиной. Она сказала ему: «Твое место не здесь», – и посмотрела на отца. Затем, когда я поставила перед ней отца, она первым делом улыбнулась. Но увидев, как мало отец смотрит на нее, стала сердиться. Тогда я велела отцу сказать: «Я тебя бросил». Он впервые посмотрел на женщину и сказал: «Да, правда! Я чувствовал себя все больше и больше виноватым, мне было нестерпимо. Хотелось уйти отсюда. Но это правда. Я тебя бросил». Затем я повернула к ним заместителя нерожденного ребенка и велела женщине сказать первой: «Это наш ребёнок, он не родился, потому что я сделала аборт». В этот момент были проговорены факты и ответственность обеих сторон. Нерожденный ребенок получил свое место в системе. Отец признал свою вину перед первой партнершей и их ребенком. Он представил ей вторую жену и сыновей-близнецов. Я попросила мать почтить первую женщину ее мужа как ту, что была до нее. Ценой счастья этой женщины она обрела мужа и сыновей. Самым важным во всех процессах для клиента оказались слова отца: «Это моя первая женщина. И она, и ребенок – тоже члены нашей семьи. Признаю, что я в ответе за них. Это моя вина, а не твоя. Не вмешивайся, ты не можешь быть виноват вместо меня. Ты свободен, живи своей жизнью». Так установился новый порядок в расстановке: первая жена, отец, мать, перед взрослыми – трое детей, расставленные в ряд по старшинству. Этот порядок устраивал всех. Теперь я попросила клиента еще раз проверить свои ощущения: первая «сдвинутая», «с-ума-спешная» картина семьи показывала, что он был в плену чужих судеб. Он жил с чужими чувствами, испытывал вину отца по отношению к его первой жене – то есть *перенятую вину*. Иными словами, система сделала его своим орудием. В заново упорядоченной картине нашлось решение. В ней он стоял на своем месте как младший из троих детей, и мог сказать: «Здесь я всего лишь ребенок».

Здесь, как и в любой расстановке, одновременно проявляется столько динамик, что невозможно их полностью описать. В этих расстановках, возможно, клиенту было подано еще много других импульсов для разрешения ситуации:

- иногда после аборта умирает другой ребенок, словно его приносят в искупительную жертву за аборт. Такое воздействие могло проявиться в смерти брата-близнеца.
- Иногда после аборта один из партнеров остается бездетным: у описанного здесь клиента до сих пор нет детей.
- Часто ребенок идентифицирован с бывшим партнером отца или матери. Поскольку этот мужчина замещал отцу его первую жену, то есть мужчина был идентифицирован с женщиной, он не мог полностью развить свою

мужественность. Благодаря новому порядку у него сложатся совсем другие отношения с матерью, в которых он будет ощущать себя ребенком, а не «соперницей».

- Клиент был связан с судьбой своего отца, и поэтому не мог ни принять свою первую жену, ни отказаться от нее. И поэтому он до сих пор не мог уехать за границу к новой партнерше.
- Возможно, его душа еще стремится найти свои корни среди предков отца в той стране, откуда он родом.
- ...

Работа ещё не была закончена. Некоторое время клиент переживал новый опыт, прислушивался к его воздействию. Однажды он листал старые альбомы с фотографиями и увидел отца в военной форме. Тогда мать рассказала ему, что на войне отцу спас жизнь один русский солдат. Когда клиент рассказал мне об этом, я сказала: «Этот русский солдат – тоже часть твоей семьи, часть внутренней картины семьи». Мы говорили о том, что, если бы не этот русский солдат, клиента не было бы на свете. Он вполне мог допустить, что его отец испытывал *экзистенциальную вину* перед погибшими боевыми товарищами, как и многие вернувшиеся с войны солдаты. Он вспоминал, как отец, бывало, сидел с отсутствующим взглядом, ко всему безучастный – как и многие пережившие войну солдаты, которые в сердце навсегда остались с погибшими бойцами. Я предложила ему представить себе, как отец благодарит русского солдата, и включить этого солдата в свою жизнь, в картину семьи – в качестве крестного, особого покровителя, почувствовать его поддержку в особенно трудных ситуациях. Он долго молчал, а затем кивнул со слезами на глазах. Для него это стало заключительным аккордом, окончанием работы по собиранию и исцелению «семейной души».